

этого государства. Тонкий и вдумчивый наблюдатель, Немцевич подробно описывает культурно-бытовые особенности различных групп населения США, пишет о национальных отношениях, о положении индейцев и негров. Проехав по всему Атлантическому побережью от имения Дж. Вашингтона Маунт Вернона близ столицы США до Портленда и совершив затем путешествие в район Великих озер, путешественник получил возможность судить о положении в стране.

Отчаянное положение негров-рабов вызывает горячее сочувствие Немцевича. Путешественник писал: «Их хижины беднее самых бедных хат наших крестьян... Невдалеке в маленьком огороде копошилось пять или шесть кур... Это единственное, чем могут пользоваться чернокожие. Им нельзя заводить уток, гусей и свиней... Они получают гарнир кукурузы в неделю..., для детей — половину и 20 селедок в месяц на каждого. Те, которые в поле, в жниво получают солонину, а кроме того куртку и брюки из грубой шерсти раз в год... Они работают целую неделю, не имея дней отдыха, за исключением праздников... Большинство этих господ дает своим чернокожим только хлеб, воду и плеть» (стр. 89—90).

Интересен и раздел, посвященный Игнатию Домейко, проводшему в Латинской Америке, преимущественно в Чили, около пятидесяти лет (1839—1889). В южных районах Чили он внимательно изучал жизнь и обычаи аборигенов — арауканов и привез в Европу ценные коллекции по культуре и быту этого народа. Свое путешествие он описал в обширном труде, вышедшем в 1845 г. на испанском, а пятнадцать лет спустя — на польском языке. Уникальную научную ценность имеют и те страницы работ Домейко, где подробно рассказывается о положении чилийских рабочих (прежде всего горняков) и крестьян.

Человек прогрессивных взглядов, участник восстания 1831 г., друг Мицкевича, он с искренним негодованием писал: «...трудно сдержать возмущение белыми. Вся механическая работа... падает на плечи чернокожих, а тем временем белый деспот отдыхает и бездельничает» (стр. 101).

Третий ученый, о котором следует, на наш взгляд, рассказать подробнее, — Константин Ельский — в 60—70-х годах XIX в. проводил исследования во Французской Гвиане, а также в Вест-Индии и Перу. Хотя Ельский и не был этнографом по специальности, он, как и многие его коллеги, описывал в своих работах не только природу изучаемой страны, но и ее население. Особенную ценность представляют его наблюдения во внутренних районах Гвианы, коренное население которой было тогда изучено еще крайне мало. В записках путешественника мы находим интересные материалы об этническом составе и национальных отношениях в Перу, об этнополитической ситуации во Французской Вест-Индии.

Наконец, Н. К. Судзиловский, революционер, жизнь которого увлекательнее любого приключенческого романа, в своих многочисленных произведениях, опубликованных в конце прошлого века, приводит важные данные о положении коренных жителей Гаванских островов, об их культуре и быте.

В. П. Грицкевич, несомненно, написал нужную книгу, введя в оборот новые (или основательно забытые) материалы. Некоторые из охарактеризованных им путешественников безусловно заслуживают и исследований монографического типа. В первую очередь мы отнесли бы это к тем четырем путешественникам, о которых говорилось выше.

Особо следует отметить высокую полиграфическую культуру издания, обильно иллюстрированного, снабженного картами.

К сожалению, редактура книги не оказалась столь же безупречной. Так, на стр. 93 говорится о том, что в Северной Америке когда-то владело колониями «датское правительство». В действительности же — и это явствует из текста приводимой автором цитаты — речь идет отнюдь не о датчанах, а о голландцах. Из-за небрежно отредактированного текста на стр. 116 у читателя создается впечатление, что селитра и гуано — это одно и то же. Не везде правильно транскрибированы испаноязычные термины и географические названия (см., например, на стр. 105 «Овалле» вместо «Овалье», на стр. 107 «инквилины» вместо «инкилино»). Не следовало, конечно, писать: «в ответ на это епископ *отрек* (sic!) революционера от церкви» (стр. 151). При всей малочисленности приведенных примеров они звучат диссонансом на страницах этой интересной, увлекательно написанной книги.

А. Д. Дриздо

НАРОДЫ СССР

Р. С. Л и п е ц. Эпос и Древняя Русь. М., «Наука», 1969, 302 стр.

Недавно вышедшая книга Р. С. Липец очень своевременна и важна для изучения былин в историческом плане. Выявить генезис произведений былинного жанра, добравшись до их первоначальной идейной направленности, до первоначального художественного смысла, уяснить изменения, происшедшие в течение столетий — задача нелегкая.

В этой сложной работе, где основную роль играет анализ сюжетов, персонажей и особенностей художественной специфики, необходимо также широкое привлечение

тех реалий эпохи Киевской Руси, а в какой-то мере и позднейших эпох, которые упоминаются в былинных текстах. Это орудия и архитектура, мебель и декоративное убранство, оружие и утварь, пища, одежда и украшения и пр. Еще более важно исследование упоминаний, порой брошенных вскользь, об отношениях и поведении людей в средневековье, о местных обычаях, празднествах, играх и т. п.

При изучении этой стороны былин, автор учитывает достижения археологической и исторической наук. Р. С. Липец работает на стыке фольклористики, археологии и исторической этнографии, и очень часто, касаясь генезиса того или иного обычая тех или иных реалий, проследживает их глубокие корни, уходящие в историю более ранних общественных отношений.

Композиция книги довольно своеобразна. Автор так характеризует в предисловии цель своего исследования: «Эта работа посвящена отражению в былинах жизни и культуры Древней Руси. Тема эта необычна, и она здесь рассматривается на примере только одного, но очень яркого и специфического для Киевской Руси явления — знаменитых пиров „ласкового“ князя Владимира Святославича. В былинах общественные пиры имеют важное архитектурное и даже сюжетное значение, а в историческом действительности они представляли социальный институт, характерный для эпохи становления раннеклассового общества, именно в той форме, в какой эти пиры описываются в русском эпосе» (стр. 5). Раскрывается тема в следующих главах: «Введение „Город в былинах“, «Состав эпической дружины», «Пыры, их структура и функции „Архитектурный облик гридницы в былинах“, «Пиршественная утварь и пища», «Отрывание на пиру», «Состязания и другие увеселения на пирах».

Однако в труде Р. С. Липец исследование былинных реалий, связанных с пирами Владимира, представляет собой только отправной пункт, так как масштабы исследования значительно шире. Они охватывают множество сторон культуры и быта эпохи Киевской Руси, начиная с таких социальных проблем, как роль городов и городского населения, его социальный состав и, в частности, состав княжеской дружины, отношение ее к князю, обязанности дружинников. Здесь же рассмотрена архитектура и ее детали, пища, утварь и многое другое, не ограниченное, конечно, княжеским двором, а относящееся к быту всего населения Киевской Руси, отраженному в былинах.

Во введении кратко высказаны взгляды автора на основные принципиальные вопросы изучения былевого эпоса. Здесь речь идет о былинах как об историческом источнике, их отношении к летописям, об отражении переломной эпохи Владимира Святославича в былинах. При этом в историографической части введения очень хорошо подобран материал, и читатель легко убедится в том, насколько глубока в русской науке традиция рассмотрения былин как эпоса по преимуществу исторического и как много авторитетных исследователей, а также различных деятелей культуры придерживались именно таких воззрений.

Одна из важнейших идей книги заключается в том, что распространенное в науке мнение о степени «поэтической идеализации» изображаемой в былинах обстановки весьма преувеличено. Современная археология доказала, что многое, представлявшее фольклористам эпической гиперболизацией или поздними интерполяциями, действительно существовало в быту Киевской Руси. Интерполяции и модернизация в былинах, конечно, имеются, но в целом процесс модернизации постоянно тормозился на Руси народной традицией, согласно которой в былинах изменять ничего нельзя, так как они содержат важные, исторически драгоценные данные. Это подтверждается упоминаниями в былинах таких реалий, разъяснить которые сам певец уже не в состоянии. Автор книги доказывает, что во множестве случаев описание в былинах тех или иных реалий соответствует исторической действительности Киевской Руси.

Особенно внимательно рассмотрена Р. С. Липец архитектура светских зданий, изображенная в былинах. В книге, например, показано, что в древнем Киеве встречались золотые дома, что полы порой были выложены металлическими листами (причем автором разъясняется и былинное выражение «пол-середа», стр. 184—185) или керамическими поливными плитками («кирищат пол», стр. 183), что здания нередко внутри были расписаны (стр. 188). Указывается и на то, что светские здания древнего Киева не уступали по богатству архитектуры и убранства церковному зодчеству, по которому можно судить и о характере светских «парадных» зданий.

Наиболее интересен разбор понятия «гридница», которую автор генетически возводит к общественному зданию родовой общины. Привлекая множество данных археологических, исторических и лингвистических, исследовательница доказывает, что былинная гридница — обычно не зал во дворце, как считали многие фольклористы, а особое строение на княжеском дворе (стр. 162—167 и др.). Сделаны выводы из того, что слово гридница сопровождается в былинах постоянным эпитетом «светлая» (стр. 185—186). «Стекольчатые оконенки» не перенесены из XVII в.; в Киеве и других городах найдены круглые оконные стекла с закраинами (стр. 187; ср. стр. 44).

Рассмотрение особенностей древнерусской архитектуры, отраженных в былинах, дало основание Р. С. Липец прийти к заключению: «В свете всех этих историко-этнографических параллелей так ли уж велика была поэтическая идеализация жилища, как это обычно считается? А между тем превеличенное представление о поэтической специфике былин (которая, конечно, существует) заставляло исследователей, работающих в смежных с фольклористикой областях науки, а отчасти и самих фольклористов, с излишней предубежденностью относиться к русскому эпосу как историческому источнику» (стр. 194).

Эта же мысль подкрепляется ею и на другом материале. Проведя подробное сопоставление описаний эпических украшений, металлической пиришественной утвари, вооружения из лучшей стали, украшенного драгоценными металлами, с бытовыми предметами Древней Руси X—XII вв., автор пишет: «...едва ли можно видеть во всем этом лишь эпическую идеализацию повседневного быта» (стр. 44). «Воспоминание о древнерусских богато украшенных рукописях» (стр. 68) автор видит и в былинных грамотах, расписанных золотом и «усаженными» драгоценными камнями.

Даже в описаниях тканей в былинах, где модернизация наиболее естественна, многое было известно уже в Киевской Руси: узорчатые тяжелые ткани, содержащие золотые и серебряные нити, оксамит («самит»), ртытый бархат, камка и др.

Хорошо мотивируется в книге положение, что «в русском эпосе богатством является в основном личное имущество — «злато-серебро», «платье цветное», кони... Можно считать эту ситуацию одним из аргументов в пользу раннего зарождения и формирования былин на Руси — до эпохи развитого феодализма» (стр. 266). В былинах действительно почти совершенно нет награждения героя селами, которое встречается уже в колядаках: в них существует еще «вассалитет без ленов».

Путем анализа различных мотивов былин исследовательница доказывает, что ряд социальных институтов и явлений в русском эпосе также относится именно к киевскому периоду: одаривание и кормление было уже тогда формой платы за службу (стр. 243—250), формула «заклада головы» (стр. 278—279) означала обычно не закладывание жизни, а переход в холопство или вообще утрату личной свободы (стр. 103—105). Метко сказано о смысле мотива «обнесения чарой» (стр. 207) и борьбе за места на пиру (стр. 140—143).

Р. С. Липец внимательно присмотрелась к упоминаниям в былинах о «почетном пире», устраиваемом в честь кого-либо, и сделала принципиально важные выводы (стр. 131 и др.). Своеобразно высказанное предположение, что былинный эпитет «похвальный» пир связан с «хвалами», «словами» на пирах (стр. 292). Хорошо подобран материал, свидетельствующий об исполнении песен-слав на таких пирах (стр. 287—290). Вопрос этот имеет принципиальное значение потому, что в последние годы порой высказывалось мнение о том, что якобы исторического эпоса в киевскую эпоху на Руси еще не было, и поэтому подвергалось сомнению само существование песен-слав в те времена, тогда как распространенность их в Киевской Руси подтверждается разнообразными доказательствами, в том числе и летописными.

Следует отметить, что говоря о значении мотива княжеского пира в былинах, автор недостаточно критично приводит слова А. П. Скафтымова, раскрывающие архитектурное значение пиров в былинной как в художественном произведении. Скафтымов указывает, что «пир дает удобную ситуацию для выделения героя... Помещая исход главного эпизода в обстановку пира, былина тем самым вводит его в атмосферу заинтересованности и взволнованных суждений и признаний» (стр. 121). Но само архитектурное значение пиров в эпосе сложилось на основе их социально-исторической роли. Дело не в том, что создатели былин удобно было начинать повествование картиной пира. В былинном изображении пиры, представляющие собою большей частью экспозицию сюжета, выступают как совещания, «думы» князя с дружиной, хорошо известные по летописям, где решались в сущности все важнейшие вопросы жизни страны. Поэтому естественно, что множество событий в ту эпоху началось именно с происшедшего на пиру, с решений, принятых здесь, с конфликтов, возникших между участниками пира. Р. С. Липец говорит об этом (в разделе «Функции пиров», стр. 125—126), но следовало бы сильнее подчеркнуть и здесь историческую причину роли пира у князя Владимира.

В книге рассмотрены все категории дружинников — отроки, паробки, дети боярские, гриди и проч. Но, по нашему мнению, анализируя противоречия между дружиной и боярством, а также внутри дружины, следует учитывать и наличие князей младших линий, не имеющих собственных княжеств и находящихся при дворе великого князя. В былинах они порой упоминаются как «подколленные князья». В конфликтах при дворе они, очевидно, играли определенную роль. Очень существенна мысль автора, что не следует относить отражение классовой борьбы в былинах к XVII в. (Вс. Миллер), ибо она была достаточно острой уже в эпоху Киевской Руси (стр. 56).

В книге есть и спорное соображение, относящееся к дружине: «Набор Владимиром Святославичем русской дружины, куда влились свободные смерды наряду с горожанами, взамен наемных варяжских дружин, был не нововведением, а возвращением к древней практике выделения дружины из местных родовых, а затем сельских и, наконец, городских общин».

Былинные богатыри живут в Киеве не постоянно, в основном они живут по селам, куда Владимир и направляет за ними гонцов, чтобы звать их в Киев на сбор при военной опасности» (стр. 91—92).

Создание Владимиром дружин из местного населения было обычной нормой для Киевской Руси. Проживание же богатырей в селах слабо подтверждается былинным материалом; в частности привлеченный вариант М. С. Крюковой, в котором Илья Муромец, будучи уже киевским богатырем, находится у своих родителей в Карачарове, нетипичен. Вообще же и в летописях не очень много данных о том, что в X—XI вв. какая-то часть дружины проживала в селах. В известном сообщении конца XI в. о том, что сын Мономаха — Мстислав Владимирович «распусти дружину по селом», на которое ссылается автор (стр. 73), неясно, что делали дружинники в селах (очевидно, кня-

жеских): приехали ли они туда для отдыха после похода, о котором выше речь идет в летописи, выполняли ли там задания князя или действительно постоянно проживали в собственных хозяйствах. Дружина—конкретно, младшая дружина—в ту эпоху должна была находиться непосредственно при князе, так как составляла его основную военную силу.

Может быть, автор книги слишком акцентирует городское происхождение былинного эпоса (стр. 73—76). Конечно, город уже обособился в Киевской Руси, но можно ли так же легко обособить городское и сельское население? Создатели и герои былинного эпоса, младшая дружина в массе своей, по крайней мере до XII в., были выходцами из деревни и связь их с ней вряд ли была разорвана. Иначе, кстати, былины не сохранились бы в крестьянской среде. Конечно, подчеркнуть особое значение города в создании былевого эпоса необходимо, но для последовательного противопоставления города селу в этом плане вряд ли имеются достаточные основания.

В исследовании указано как на прототип княжеских пиров на пиры-братчины, слававшиеся в родовой, а затем сельской общине и весьма изменившиеся в условиях феодального города (стр. 57—59, 146—151). При освещении генезиса дружины Р. С. Липец указывает на ее возникновение в недрах родового общества (стр. 82), на древний институт мужских союзов, глубоко исследованный советскими учеными, в частности С. П. Толстовым (стр. 99), на пережитки этого института в обычаях «парубочтва» (стр. 112—113); особо отмечен автором обычай побратимства (стр. 84—87).

Интересна мысль, высказанная, по-видимому, Р. С. Липец впервые, о том, что чашиники и столыники на пиру восприняли в христианизированной Руси в какой-то мере функции волхвов. Столыник должен был следить за тем, чтобы за столом все проводилось по издревле принятым обрядам и обычаям и чтобы всякая «порча» не была перенесена на пищу; чашник же некогда руководил обрядовым распитием священных напитков на пиру (стр. 212—215).

При описании пиришественной утвари, автор отмечает распространенность в Древней Руси надписей-благопожеланий на чарах и других сосудах. В связи с этим выясняется причина крайнего возмущения героя былины — богатыря, прочитавшего на сосуде надпись, запрещавшую пить из него, — такая надпись была с народной точки зрения грубым нарушением общепринятой традиции (стр. 69—70).

Особо следует отметить догадки автора, основанные на этнографическом анализе конкретных былинных образов и мотивов. Так, поручение князя Даниле Ловчанину — поймать живого вепря к княжескому столу — объясняется архаической основой этого мотива: вепрь нужен как жертвенное животное, значит должен быть умерщвлен по ритуальным предписаниям (стр. 222—224); аналогичный смысл имел некогда и мотив поимки живой лебеди «некровавленной» (стр. 226).

Менее убедительно доказательство отражения в былинах обрядового обжорства (стр. 228—229). По нашему мнению, как раз осуждение Идолища противоречит ритуальной трактовке его обжорства. (Автор, вслед за Б. М. Соколовым, видит в этом мотиве отголоски языческих жертвоприношений идолам, отвергаемых уже в христианизированной Руси). Обжорство в былинах вообще категорически осуждается.

Любопытна догадка, что Добрыню, переодетшегося скоморохом-гусляром, никто не узнает на пиру потому, что его лицо скрыто маской, личиной; такие маски, как указывает исследовательница, были обычным атрибутом скомороха (стр. 279—281).

Пристальное проследивание автором генезиса различных явлений с точки зрения этнографа разъясняет многие их особенности в киевское время. Редкий историк или филолог был бы в состоянии совершать подобные, часто очень удачные, экскурсии, так как для этого необходим такой обширный опыт в области этнографии, каким обладает автор книги. В исследовании Р. С. Липец заложено немало новых, свежих наблюдений и идей, многие из которых останутся в истории изучения былины.

М. М. Плисецкий

K. Pietkiewicz. *Etnografia Lotwy (Kultura materialna)*. «Polskie Towarzystwo Ludoznawcze. Prace etnologiczne», t. 8, Wrocław, 1967, 226 str.

В 1967 г. вышла в свет новая книга К. Петкевича «Этнография латышей. Материальная культура». Не случайно она посвящена именно материальной культуре латышей: в области изучения материальной культуры польские этнографы добились в последнее время значительных результатов¹. Подобно большинству новых трудов польских этнографов, «Этнография латышей» основывается на обширной базе источников и литературы, преимущественно изданной до 1960 г. на латышском, немецком, русском и польском языках.

Использованы работы этнографов Л. Думпе, А. Крастыни, И. Лейнасаре, М. Славы, Л. Терентьевой, Н. Чебокарова, А. Биленштейна, З. Лигера, археологов Э. Шноре, Фр. Балодиса и лингвиста Я. Эндзелина, а также данные из работ авторов XVII—

¹ «Historia Kultury Materialnej w widownietwach polskich Wybor», Warszawa, 1964.